

ПОВЫШАЕМ СВОЮ КВАЛИФИКАЦИЮ

Э.Р. СУКИАСЯН,
Российская государственная библиотека

Классификационные системы как инструмент организации знаний

Эдуард Рубенович Сукиасян, руководитель группы разработчиков отечественных классификационных таблиц, рассказывает сегодня о классификационных системах как инструменте организации знаний.

«...Классификационные структуры являются моделью, слепком эпохи», — пишет автор. И ниже отмечает: «Структурированный универсум человеческого знания обычно поражает... Как жаль, что встреча школьника с таблицами классификации носит всегда случайный характер! В моей жизни она определила выбор профессии в возрасте 10—11 лет».

Классификация представлений об окружающем мире прошла противоречивый путь развития и давно сформировалась в самостоятельную область философского знания, которую принято называть классификацией наук.

Собственно говоря, классификации — в логическом понимании этого термина — здесь нет. С точки зрения современной теории, всякая классификация наук сводится лишь к иллюстрации парадигматических связей и отношений в границах нередко весьма произвольного набора дисциплин, которые тот или иной философ относит к «наукам».

Попытки так или иначе формализовать, упорядочить философские классификационные построения предпринимались неоднократно. Но мир, судя по всему, слишком сложен для того, чтобы можно было выстроить его в линейном (одномерном) или табличном (двухмерном) измерении. Философы могли лишь рассуждать о предмете классификации наук.

Однако теоретические рассуждения философов стали отправной точкой для построения прикладных классификационных систем, кото-

рые мы называем библиотечными. Именно в них стала отражаться реальность бытия: появились темы, предметы, явления, имена, являющиеся знаками своей эпохи.

Библиотечная классификационная практика располагает историей в несколько тысячелетий. В отличие от других памятников человеческой мысли, документированные классификационные построения не относят к литературе в широком смысле слова. Они остаются неизвестными публике. Между тем классификационные структуры являются моделью, слепком эпохи.

Достаточно сравнить две любые системы (из нескольких тысяч, известных человечеству), чтобы убедиться: каждая классификационная система отражает мир человеческих представлений, уровень развития науки и социальной практики на определенном этапе развития

общества. И в этом смысле является памятником культуры.

Мир развивался, и вместе с ним на протяжении тысячелетий развивались библиотечные классификации. Они рождались и умирали, оставляя след в истории, не всегда равный по степени своего влияния на развитие культуры. У многих систем продолжительность «жизненного цикла» оказывалась весьма неопределенной.

**КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ
СТРУКТУРЫ ЯВЛЯЮТСЯ
МОДЕЛЬЮ, СЛЕПКОМ
ЭПОХИ.**

Единственным материальным воплощением классификационных систем, во всяком случае до самого последнего времени, были книги — таблицы классификации, обладающие идентификационным признаком — годом публикации.

Традиционно общественным сознанием принималась лишь прикладная функция таблиц — они применялись для организации библиотечных фондов и каталогов, реже — для структурирования библиографических пособий.

Лишь в середине XX века выяснилось, что библиотечные классификационные системы могут лечь в основу структуры отраслевой энциклопедии или терминологического словаря-полиглота, когда ни одному из естественных языков не хочется отдавать предпочтения. Появились первые примеры таких изданий.

Принято считать, что классификационные системы в XX веке достигли совершенства и стабильности. **Можно ли назвать какой-нибудь другой продукт человеческой мысли, который бы эффективно выполнял своё функциональное назначение более 100—120 лет? Таков возраст классических систем, живущих сегодня. Десятичная классификация М. Дьюи (ДКД) выросла к 21-му изданию в 50 раз по сравнению с «весом новорожденной» в 1876 г. и вместе с тем сохранила внешний облик и характерные черты, полученные при рождении. Сегодня ДКД — самая распространенная (135 стран) стандартная система, переведенная на 30 с лишним языков народов мира. Каждое её издание — своеобразный справочник и вместе с тем — путеводитель для историков науки.** Менялись не только представления и оценки, появлялись новые государства, научные теории.

Перешла во второй век своей истории и европейская версия ДКД, известная нам как Универсальная десятичная классификация (УДК). Здесь показатели по странам и языкам в три раза меньше, что не помешало УДК существенно раздвинуть границы применения за счет архивного дела или административного делопроизводства. Впервые в УДК были решены проблемы сопряжения библиотечных классификаций с химическими и фармакологическими номенклатурами, отраслевыми рубриками и прочими достижениями искусства и технологии упорядочивания всего, что можно разделить и перечислить.

Самая молодая из универсальных систем высшего порядка — наша отечественная Библиотечно-библиографическая классификация (ББК) — отразила в своем содержании эпоху 60-х годов XX века. Сегодня, когда мы вносим в ББК кардинальные изменения, становится ясно,

каким она является удивительно ёмким, информативным источником для изучения истории нашей страны. Конечно, процесс обновления и модернизации изменяет таблицы ББК. Но для историков, в том числе — историков науки, таблицы первого издания ББК (1960–1968) останутся документом, заслуживающим внимания. Интересно, что раньше историков обратили внимание на «полезность» и некоторое удобство библиотечных классификаций педагоги. Уже есть публикации, в которых анализируется связь между структурой общего образования и универсумом знаний. Делаются попытки использовать ББК для оптимизации процесса тестирования в интересах профориентации школьников.

Хотелось бы обратить внимание на эти, как бы «внешние», выходящие за пределы целевого назначения, аспекты возможного использования классификационных систем.

Представить возможные границы (или, напротив, безграничные возможности) использования библиотечных классификаций может каждый образованный человек. Достаточно взять в руки таблицы любой универсальной (более или менее детализированной) классификационной системы и перелистать их. Структурированный универсум человеческого знания обычно поражает.

При этом восприятие системы знаний взрослыми и детьми существенно различается.

Школьники быстро обнаруживают сходство систематики в таблицах с тем миром школьных предметов, в котором они, по сути дела, непрерывно находятся на протяжении одиннадцати лет обучения. Есть те дисциплины, которые «мы проходим»: математика, физика, химия, биология, география, язык, литература, история. Часть этих «крупных наук» (школьник впервые наглядно представляет иерархию) делится на свои собственные подразделения. В математике это арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия. В биологии — ботаника, зоология и др. предметы. Подразделения некоторых дисциплин образуются по иным признакам, и их может быть несколько, разного характера. Например, литература — русская (стало быть, есть и «нерусские» литературы, мы их не проходили), но делится она по векам, как и история. География делится на экономическую и физическую, последняя — по странам. Языки — по народам или по странам.

Вся знакомая по школе часть мироздания составляет, как оказалось, лишь две-три десятых (здесь возникает вопрос: как назвать это в целом, часто подходящего понятия просто не находится). Вокруг десятки наук и сотни направлений, которые никогда в школе изучаться не будут! Девочки обычно находят одни, а

мальчики — другие «отделы». В этот поистине революционизирующий момент происходит оценка собственного «Я» в этом мире универсума знаний. Становится ясно, что школьная программа не включает всего того, о чем хотелось бы знать. Родждается план самообразования. Многие сразу понимают истинное назначение библиотеки в своей жизни. Другие задают вопросы родителям и сверстникам. Дойдут ли они до библиотеки? Это зависит во многом от того, какие ответы они получают...

Понятно, наверное, что тысячи школьников никогда не обнаружат пробелов в собственном «мире знаний», если не увидят таблиц классификации. Так, собственно говоря, и происходит в жизни: большинство школьников не узнает о существовании многих и многих книг, не увидит и не прочитает их. Многие из них годами находятся в процессе поиска, открывая для себя новые горизонты знания. Другие живут с тем, что имеют, наблюдая мир в форточку школьного окна. В нашей стране их, к сожалению, большинство. **В**

этом виноваты мы, библиотекари: закрывая школьнику доступ к фонду библиотеки, мы ставим перед ним (со всеми его вопросами) необходимость поделиться своими мыслями с библиотекарем. Известно, что дети далеко не всегда готовы к искренним разговорам и не будут раскрываться, если, к тому же, речь идет о личном, сокровенном знании или незнании, порой непонимании. Лучше бы посмотреть самому. Но даже если ребенка «запустят в фонд», он окажется в мире детской литературы, «отрезанной» от универсума по возрастному признаку. Посмотреть «взрослые книги» и, стало быть, в полной мере представить себе систему знаний в границах универсума можно только в крупной универсальной библиотеке. Если сюда и пустят ребенка, то не далее помещения читального зала.

Как жаль, что встреча школьника с таблицами классификации носит всегда случайный характер! В моей жизни она определила выбор профессии в возрасте 10—11 лет.

С одной стороны, открылся мир книги во всем многообразии его содержательных, видовых, языковых, исторических аспектов. С другой — мир библиотеки, в которой повседневно происходит поиск и совершенствование — человек обогащается знаниями, извлеченными из печатных страниц. В 13—14 лет я уже сознательно выбрал путь профессионального библиотекаря.

Иначе воспринимают таблицы классификации взрослые. Специалист невольно начинает искать «свой» отдел — тот, в котором, как сам считает, он глубоко ориентируется. Уже на этом этапе могут

возникать здоровые эмоции: одни согласятся с заданной в таблицах иерархией развития представлений «сверху вниз», в то время как другие увидят явные несоответствия сложившейся в собственной голове «системе». Ученые, профессионально занимающиеся классифицированием в рамках своей дисциплины (процессами анализа конкретных объектов с последующей разработкой научной классификации), начинают, как правило, сравнивать, сопоставлять имеющиеся в науке системные построения с таблицами классификации. Далеко не все

сразу понимают, что библиотекари имеют дело с содержанием документов, а не с объектами, понятиями и представлениями науки.

В историческом аспекте можно проследить, как на протяжении веков протекало параллельное развитие трех сопрягающихся направлений развития классификационной мысли.

Первое связано с развитием представлений, относящихся к общей (философской) классификации наук. От Платона и Аристотеля, через Роджера Бэкона и другие системы наук эпохи Возрождения тянется нить к Френсису Бэкону, Рене Декарту, Томасу Гоббсу и Джону Локку. Далее — «новые» философские построения, среди которых ярко выделяются Г. Гегель, Сен-Симон, Конт, Ампер, «Система» Дидро и Д'Аламбера и, наконец, закон классификации наук Ф.Энгельса.

Второе определялось развитием наук, в первую очередь естественных. От античности и до наших дней ученые занимались классификационными построениями, объектами которых выступали химические вещества, физические явления, растения и животные, почвы, минералы и горные породы, явления природы, изучаемые в норме и патологии. Со временем к объектам научной классификации стали относиться «дела рук человеческих» — не только здания и сооружения, машины и механизмы, но и химические соединения, полимеры, лекарства и витамины. Наконец, с развитием социальных (общественных) наук начала развиваться область классификации явлений социальной жизни.

Понятно, что третье направление — развитие библиотечно-библиографических систем — выполняло как бы обобщающие функции. Действительно, эти системы, имеющие утилитарно-прагматическое назначение, практически всегда основывались на той или иной системе общей (философской) классификации наук, а в своем содержании отражали достижения научной классификации. В отличие от философских систем, пони-

**КАК ЖАЛЬ, ЧТО
ВСТРЕЧА ШКОЛЬНИКА
С ТАБЛИЦАМИ
КЛАССИФИКАЦИИ
НОСИТ ВСЕГДА
СЛУЧАЙНЫЙ ХАРАКТЕР!
В МОЕЙ ЖИЗНИ ОНА
ОПРЕДЕЛИЛА ВЫБОР
ПРОФЕССИИ В
ВОЗРАСТЕ 10—11 ЛЕТ.**

мание которых затруднялось их абстрактно-логической структурой, библиотечные классификации были общедоступными, в большинстве своем использовали распространенную лексику. Построения, группировки, которыми оперировали ученые, были, как правило, отраслевыми, тематическими, в то время как библиотечные системы — универсальными.

Именно поэтому библиотечно-библиографические системы понемногу превратились в универсальный инструмент организации знаний. На их базе строились учебные планы и программы, формировались, начиная с XIV—XV вв., факультеты университетов, для выпускников определялись «заданные границы знаний». **В начале XX в. выяснилось, что с помощью десятичной классификации можно графически представить не только широту (универсальность), но и глубину знаний отдельной личности.** Оказалось, что в границы окружности вписывается динамика развития общей образованности: есть «точка новорожденного», примерные границы дошкольника, старшего школьника, можно представить себе, как будет выглядеть картина для студента, ученого, академика...

В XIX в. на основе библиотечных классификаций были составлены «Карты знаний». Из Франции в Россию пришла, например, детская игра, которая так и называлась — это было лото с таблицами, в квадратах которых были не цифры, а рисунки. Надо было карточку с названием науки быстро наложить на поле с изображением предмета, например растения или животного. Поскольку дети, как правило, учили в гимназии древние языки, серьезных проблем не возникало. После Октябрьской революции, как известно, преподавание латыни и древнегреческого в школе было отменено. Играть стало невозможно. Сегодняшний выпускник средней школы, если спросить его, например, что изучают тератология или арахнология, как называются науки, занимающиеся изучением лошадей, кошек или собак, сможет ответить, на мой взгляд, не более чем на 30% вопросов,

Классификационное, иначе говоря, системное, иерархическое, по сути, мышление представляет огромные возможности для развития интеллекта. За рубежом, например, издается немало словарей, предназначенных для запоминания слов, состоящих не из привычного для нас алфавитного ряда, а из картинок, на которых представлены предметы определенной тематической группы. Согласитесь: никому не придет в голову запоминать названия месяцев, дней недели, порядковых числительных «по алфавиту». Почему же мы не распространяем этот удобный для запоми-

нания прием на более широкий пласт лексики изучаемого языка? Справедливости ради надо сказать, что словари «с картинками» у нас иногда встречаются, есть даже учебные пособия с тематическим подбором. Найти такие пособия трудно — их очень мало.

С большими трудностями встречаются составители многоязычных словарей-полиглотов. Если языков два, понятно, что один из них оказывается первым в словаре. А если пять, десять языков? Приходится одному из языков отдавать предпочтение, ставить его на первое место. Многие не знают о том, что библиотекари располагают многоязычным терминологическим словарем «Vocabularium bibliothecarii» (название дано на латыни), в котором нет ведущего языка, — в словаре материал расположен в соответствии с делениями УДК, с которой знакомы все библиотекари. Систематический порядок по индексам УДК оказался поразительно выгодным: рядом оказываются такие понятия, которые трудно вспомнить даже на родном языке!

Этот интересный прием, как оказалось, можно распространить на справочные издания. В фондах РГБ есть зарубежная медицинская энциклопедия, в которой материал также систематизирован по индексам УДК (он указан на каждой странице). Освоив зарубежный опыт, отечественные издательства стали выпускать для детей энциклопедические издания с «глубокой систематикой». Классификационных индексов здесь нет, но «идеология» составителей легко угадывается.

Мы обратили внимание на отдельные, как бы «внешние», выходящие за пределы основной функции, аспекты возможного использования классификационных систем. Есть, конечно, и чисто «потребительские», которые всем известны. В Генеральном систематическом каталоге РГБ я нередко встречал аспирантов, которые внимательно анализировали структуру каталога, но совершенно не интересовались имеющейся библиографической информацией. Они строили «карту знаний» для своей узкой темы. Предложив такому читателю книжное издание таблиц ББК, мы наблюдали картину естественного возбуждения. Чувствовалось, что в изучении темы наш читатель в один момент существенно продвинулся. И это понятно: многоаспектная «диагностика» изучаемой проблемы лежала на поверхности, оставалось только взять её из классификационных таблиц.

Хочется сказать в заключение: посмотрите таблицы классификации! Я уверен, что любой человек, работающий с книгой, от школьника и до академика включительно, найдет в таблицах что-то интересное и полезное для себя.